

Ольга
Дашкова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Это захват
ПЫШКА

Ольга Дашкова

Это захват, Пышка

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Это захват, Пышка / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Я вернулся в Кедровск с одной целью – убедиться что она живет. Что я принял правильное решение 15 лет назад, и она счастлива, и значит все было не зря. Она жила хорошо. Через две недели свадьба. Я смотрел на фото с помолвочным кольцом и понимал что пятнадцать лет – это не срок для того чтобы отпустить. Это срок для того чтобы понять: не отпустишь никогда. Нормальный человек позвонил бы. Написал. Пришел к двери. Я разведчик. Я действую иначе. Она стояла на крыльце ресторана в красном платье и говорила с женихом по телефону. Смеялась. Красивая до невозможности, до злости на самого себя. Теперь мы в тайге. Она перечисляет статьи УК, я варю кашу. Она говорит что ненавидит меня. Я знаю. Но она здесь. Это захват, Пышка.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Гла	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольга Дашкова

Это захват, Пышка

Глава 1

Кристина

Андрей позвонил в половине одиннадцатого.

Я вышла на крыльцо ресторана, внутри было громко, музыка, смех, Жанка уже третий раз пела что-то про любовь, перепутав слова, а на улице был теплый июньский вечер, запах лип и тишина. Относительная. Город не бывает тихим полностью, но после ресторана улица казалась почти деревенской.

– Привет, – сказала, прижав телефон плечом и поправляя подол платья. – Как ты?

– Скучаю, – сказал Андрей. Он всегда так говорил, это было просто, без украшений, мне это в нем нравилось. – Как девичник?

– Громко. Жанна в ударе.

Он засмеялся, у него был хороший смех, такой тихий, настоящий.

– Как ты выглядишь? Покажешь потом фото?

– Покажу. На мне красное мини-платье и фата.

– Фата?

– Не настоящая, – сказала. – Смешная такая, с сердечками. Девочки нацепили насильно.

И еще...

Я чуть понизила голос, хотя рядом никого не было.

– Еще подвязка. На бедре. Белая, с розовыми цветочками. Совершенно неприличная.

– Это уже интереснее, – сказал Андрей.

– Пошляк.

– Ты первая начала.

Улыбнулась, прошла по крыльцу туда-обратно, каблуки цокали по деревянным доскам, вечер был теплый и неожиданно хороший. Через две недели свадьба. Через две недели я буду Кристиной Маликовой, и это звучало правильно. Не захватывающе, не как в кино, но правильно и надежно. Как хорошая обувь: не самая яркая, но точно по ноге.

– Еще долго? – спросил Андрей.

– Часа полтора, наверное. Жанна с Альбиной не отпустят раньше.

– Тогда езжайте на такси.

– Разумеется на такси, я не сумасшедшая.

– Целую тебя.

– И я тебя, – я уже собиралась убрать телефон, когда за спиной что-то изменилось. Не звук, изменился воздух, изменилось, то самое ощущение, когда кто-то подходит близко сзади и ты еще не видишь, но уже знаешь. – Андрей, я перезво...

Договорить не успела.

Телефон резко, точно и профессионально выдернули из рук. Я дернулась, открыла рот и в следующую секунду меня развернули, и что-то темное накрыло голову, и я поняла что это куртка или плотная ткань, я громко, по-настоящему, не сдерживаясь закричала.

– Тихо, – сказал низкий мужской голос.

Я не стала тихо. Я кричала и вырывалась, и попала локтем куда-то твердому, и услышала приглушенное что-то, то ли ругательство, то ли просто выдох. Меня держали крепко, без злобы, но абсолютно без возможности вырваться, А потом легко так закинули на плечо и понесли куда-то.

Слышала как открывается дверь автомобиля, нет, не дверь – и поняла за секунду до того, как это произошло.

Багажник.

Меня уложили в багажник и одним движением, и закрыли крышку.

Темнота была абсолютной.

Я лежала и кричала несколько секунд, пока машина не тронулась и пока не стало понятно, что кричать некому. Ресторан остался позади, Голоса подруг, Жанкин смех, Альбинин голос, все исчезло. Осталось только гудение двигателя, запах резины и металла и собственное дыхание, которое было слишком частым.

Что паника это физиология, я знала теоретически. Учащенное сердцебиение, поверхностное дыхание, сужение сосудов. Тело реагирует на угрозу по протоколу, который не изменился за тысячи лет эволюции. Знание не отменяло протокол, но давало за что держаться.

Стянула с головы тряпку, попыталась дышать медленнее, но получилось плохо.

Кричала еще, но уже не так громко, скорее потому что нужно было куда-то девать это. Потом заплакала, чего не делала давно и не люблю. Слезы текли сами, злые, без разрешения, и я вытирала из руками.

Думала, что это должно быть розыгрыш. Жанка, это точно Жанка, она всегда придумывает что-то за гранью разумного, в прошлом году на день рождения Маши она подговорила нанять аниматора в костюме бывшего Машиного мужа, тот вышел с плакатом и все умерли со смеху кроме Маши.

Жанка точно способна организовать похищение с багажником, она именно такой человек, у нее хватит фантазии и связей.

Я держалась за эту версию минут десять. Потом версия показалась глупой. Потому что десять минут, это уже не розыгрыш. И двадцать минут не розыгрыш. И то, как меня взяли четко, быстро, без лишних слов, это не аниматор и не подружка выдумка. Это кто-то, кто умеет делать такие вещи.

Стало по-настоящему страшно.

Машина ехала долго. Я потеряла счет времени, в темноте, без телефона, без точки отсчета это происходит быстро. Сначала было много поворотов, город, светофоры, я чувствовала по движению. Потом дорога стала ровнее и машина набрала скорость. Трасса. Потом дорога стала хуже, машину начало потряхивать, наверно грунт, или старый асфальт, или и то и другое.

Я пробовала нащупать в темноте что-нибудь полезное. Нашла чехол от колеса, какой-то провод, пустую пластиковую бутылку. Ничего, что помогло бы открыть багажник изнутри или я не нашла, или его не было.

Устала кричать. Устала плакать.

Просто лежала и слушала двигатель и думала про Андрея, он сейчас, наверное, перезванивает, а ему никто не отвечает, и он не понимает что происходит. Подруги хватятся не сразу, они внутри, музыка громкая. Может, через полчаса хватятся, может, через час.

А потом подумала про белую подвязку с розовыми цветочками на бедре и про то что рассказывала об этом Андрею в тот момент, когда меня уже брали, и это было бы смешно, если бы не было так плохо.

Машина начала сбавлять скорость. Я почувствовала это всем телом, долгое замедление, потом неровный грунт под колесами, потом машина остановилась и двигатель заглох.

Тишина.

Такая тишина, которой я не слышала никогда. Плотная, живая, не городская. Снаружи что-то зашелестело, что-то далеко кричала ночная птица. Ни машин, ни голосов, ни фонарей, я это знала, потому что в щели багажника не просачивалось ни единого городского ответа.

Шаги.

Медленные, тяжелые, человек был один, он подходил к багажнику. Я сжалась, приготовилась не зная к чему, просто приготовилась. Щелкнул замок, крышка открылась.

Темнота снаружи была такой же, как внутри. Ночь, деревья, никакого освещения. Я почти ничего не видела. Только большой, плечистый, неподвижный силуэт.

Руки уверенно, без колебаний взяли меня, помогая выбраться. Большие руки, твердые, с характерной мозолью у основания пальцев правой, и это движение, вот это конкретное движение, которым он поддержал меня под локоть было знакомым так, что у меня остановилось дыхание.

Тело помнит то, что голова решила забыть.

Я стояла на ногах, нетвердо, затекло все, красное платье перекрутилось и задралось, фата съехала набок. Я смотрела на силуэт перед собой, пытался разглядеть лицо в темноте, не могла.

Но руки. Эти руки держали меня много раз. Пятнадцать лет назад. В другой жизни, когда мне было девятнадцать и я была другим человеком, более глупым, более доверчивым, более живым в каком-то смысле.

– Воронин? – голос вышел хриплым от слез и крика, но твердым.

Силуэт не ответил.

– Это ты? Воронин? Глеб!

Тишина. Только тайга вокруг была живая, равнодушная, огромная.

– Ты совсем рехнулся, Воронин?!

Последние слова вышли громче, чем я планировала. Громче и злее, потому что страх начал превращаться во что-то другое, в ту горячую темную злость, которая всегда была у меня под рукой в трудных ситуациях, и которая сейчас была единственным, за что стоило держаться.

Он молчал.

– Я в багажнике лежала! – голос сорвался, я выровняла его усилием. – Ты понимаешь? В багажнике! Два часа!

Пауза.

– Три, – сказал он.

Голос низкий, тот же самый, что пятнадцать лет не изменили его совершенно, и это было возмутительно и невозможно одновременно.

– Что – три?

– Три часа. Мы ехали три.

Я смотрела на него в темноте и думала, что сейчас заплачу снова, но уже от злости, не от страха, или засмеюсь, или сделаю и то и другое сразу, что было бы совсем некстати. Или убью его!

– Воронин, – произнесла я медленно, – ты похитил меня за две недели до моей свадьбы, положил в багажник, увез в лес и сейчас поправляешь меня насчет хронометража? Ты в своем уме?

Он молчал.

– Это все что ты можешь сказать? Три часа?

– Нет, – сказал. – Но остальное потом.

Я закрыла глаза. Где-то в тайге снова крикнула птица.

Пошлая подвязка с розовыми цветочками съехала куда-то ниже колена, почувствовала это и не стала поправлять, какая разница теперь.

– И что дальше? Убьешь и закопаешь мое тело в лесу?

– Пока нет.

– Пока нет? А когда? К утру?

Но Воронин лишь молча развернулся и пошел, выбора не было, пошла следом. Я ненавидела его. Искренне, горячо, всеми силами. И узнала его походку так же хорошо, как узнала по рукам.

Глава 2

Ворон

Приехал в Кедровск три дня назад.

Не планировал задерживаться, думал, посмотрю, убедюсь что все в порядке, успокоюсь. Именно так это формулировалось внутри, когда я садился в поезд: убедиться что все в порядке.

Как будто я был ревизором, а не человеком, который не мог нормально спать две недели после сообщения Кости. Костя написал коротко: *твоя кедровская бывшая замуж выходит. Вдруг интересно.*

Три часа смотрел в потолок госпитальной палаты. Потом написал ему: *откуда знаешь.* Он ответил: *знаю.* Больше ничего не написал, потому что Костя это Костя, скажет ровно столько, сколько нужно чтобы ты сам додумал остальное.

Я додумал и нашел ее страницу в социальной сети. До этого не искал. Пятнадцать лет не искал принципиально, намеренно, с той же железной дисциплиной, с которой соблюдал все остальное.

Есть вещи, которые нельзя себе позволять, если хочешь нормально работать. Я знал это правило и соблюдал его. Кристина Родионова была именно такой вещью.

В четверг дисциплина кончилась.

Не знаю точно почему в четверг, а не раньше. Может потому что вернулся в родительскую пустую квартиру, с чехлами на мебели и запахом нежилого пространства и что-то в этой пустоте щелкнуло.

Может потому что за окном был Кедровск, который я не видел столько лет, а Кедровск и Кристина в голове всегда стояли рядом, неразделимо. Просто взял телефон и нашел.

Две минуты поиска. Мог сделать это в любой из последних пятнадцати лет, в любую из ночей когда не спал, в любой из моментов когда запрещал себе думать в определенную сторону.

Две минуты.

Первое фото на странице: она смеется, лето, где-то на природе, волосы распущены. Я смотрел на экран и не мог точно сформулировать что именно происходит, потому что происходило сразу несколько вещей одновременно и ни одна из них не поддавалась нормальной классификации.

Она была красивой в девятнадцать.

Сейчас она была другой красотой: взрослой, сложившейся, той которая не требует доказательств. Пышнее, мягче по форме, с тем особенным выражением в глазах которое появляется у людей, которые прожили достаточно и знают себе цену.

Я пролистал страницу вниз и понял, что делаю это медленнее, чем нужно для просто поиска информации. Намного медленнее.

Фото с кафе. С подругами. Рабочая конференция, она в строгом жакете и с таким выражением, которое я у нее не помнил, профессиональным, чуть жестким, уверенным. Юрист. Это шло ей так же, как все остальное.

Потом я добрался до фотографии с кольцом.

Она шутливо, театрально, с улыбкой протягивала руку к камере и на безымянном пальце сверкает помолвочное кольцо. Комментариев под фото было много, все восторженные, подруги писали заглавными буквами и со множеством восклицательных знаков.

Я смотрел на это фото дольше, чем на все остальные вместе взятые. Потом отложил телефон, встал, прошел на кухню, покурил, выпил воды, вернулся, снова взял телефон. Кольцо никуда не делось.

В комментариях подруги открыто обсуждали девичник, подробно, с адресом ресторана и временем. Люди делятся такими вещами совершенно не думая о том, кто это может читать. Я читал. Перечитал дважды, запомнил все с первого раза, но перечитал все равно.

Пятница. Ресторан на Советской. С восьми вечера. Отложил телефон и лег на диван смотреть в потолок.

Родительская квартира молчала вокруг. На полке в комнате стояли старые фотографии, я видел их краем зрения и не подходил. Знал что там есть и ее фото, потому что мать всегда любила Кристину и говорила об этом вслух, не стесняясь. Мать вообще не умела молчать о том, что считала важным.

Я лежал и думал о том, что правильный человек в моей ситуации поздравил бы ее мысленно, пожелал счастья и занялся восстановлением. Правильный человек понимает, что пятнадцать лет это пятнадцать лет, и поезда уходят именно в ту сторону, в которую едут, а не в обратную.

Правильный человек не пролистывает чужую страницу в социальной сети три раза за вечер.

В пятницу я стоял у ресторана с восьми.

Не снаружи, в машине, припарковался напротив, на стороне с хорошим обзором. Ждал. Это мое лучшее умение, единственное в котором я готов признать превосходство над большинством людей. Ждать могу бесконечно, без потери концентрации и без раздражения.

В этот раз концентрация давалась тяжелее обычного. Она вышла в половине одиннадцатого. Одна.

Красное платье я видел еще в комментариях, подругам написала, что купили специально. На фотографии платье выглядело одним образом. В реальности, в вечернем свете, когда она вышла на крыльцо и прижала телефон к плечу, оно было совершенно другим.

Я смотрел в окно машины и думал только об одном: я ждал слишком долго. Не в смысле этого вечера. В смысле всего.

Она ходила по крыльцу, разговаривала по телефону, смеялась чему-то. Фата с сердечками съехала набок, и она не замечала, и это было так узнаваемо, она всегда не замечала таких вещей, всегда думала о разговоре, о деле, о человеке рядом, а не о том как выглядит при этом. Я помнил это.

Разговаривала с женихом, это было понятно, голос был мягким, я не слышал слов, но видел по лицу. С женихом ей было хорошо. Спокойно. Это надо было остановить.

Не потому что я имею право. Никакого права у меня не было, это я понимал трезво. Но трезвое понимание и то, что происходило внутри, находились в данный момент в разных измерениях и никак друг с другом не взаимодействовали.

Вышел из машины когда она наклонила голову и закрылась волосами, поправляя что-то на ноге, отойдя в дальний темный угол, там не было камер, я проверил.

Дальше действовал быстро и профессионально. Пятнадцать лет выработали в теле определенную память, которая включается сама, без участия сознания. Телефон, куртка на голову, движение к машине, багажник. Все заняло меньше времени, чем описание.

Она кричала.

Громко, зло. Именно зло, не испуганно, и это было одновременно хорошо и невыносимо. Хорошо потому что страх был бы хуже. Невыносимо потому что ее голос, злой, настоящий сквозь металл и закрытую крышку, был первым живым звуком от нее за пятнадцать лет, и это оказалось физически ощутимым.

Сел за руль и поехал, слушал как она кричит, потом затихла. Три часа дороги.

Я думал об одном: как она смотрела на меня с крыльца. Не на меня, она не знала что я там. Просто смотрела куда-то в ночь, на секунду, пока разговаривала. И в этой секунде было что-то, я не мог назвать что, слишком далеко, слишком темно, но что-то было.

Может, ничего не было. Может, я искал то, что хотел найти.

Когда доехали до старой дедовской заимки в тайге, открыл багажник, Кристина медленно выбралась, тело затекло, платье перекрутилось, фата окончательно съехала. Я помог под локоть, не думая, автоматически и в ту секунду, когда моя рука коснулась ее, что-то замкнулось.

Не метафорически. Физически. У меня на метафоры нет времени.

Как бывает когда долго нет электричества, а потом его включают и все, что работало на холостом ходу, вдруг заработало как надо. Она была теплой, живой, реальной, не фотографией на экране телефона, не голосом через металл, не воспоминанием пятнадцатилетней давности.

Настоящей. Она это тоже почувствовала. Я понял по тому, как замерла на долю секунды. Потом узнала.

Произнесла мою фамилию, сначала вопросительно, потом с нарастающим пониманием, потом так, как произносят когда хотят убить и ищут подходящее оружие. Я стоял и слушал и не оправдывался, потому что оправданий у меня не было, были причины, а это разные вещи, и не сейчас их время.

Поправил ее про три часа.

Это было глупо. Я это знал в момент, когда говорил, и все равно сказал, потому что точность это рефлекс, отключить его труднее, чем кажется. Она посмотрела на меня с таким выражением, что даже в темноте было понятно, что ненавидит меня.

Когда развернулся и пошел к дому, она молчала несколько секунд. Потом пошла следом.

Вот это, то что она пошла следом, не осталась кричать в темноту, не попыталась убежать в лес на каблуках, это я почувствовал затылком, спиной, всем чем чувствуют вещи без участия зрения. Она шла за мной. В трех шагах, молча, с ненавистью которую я чувствовал как температуру воздуха.

И все равно шла.

Открыл дом, нашел выключатель. Лампочка загорелась. Я не смотрел на нее прямо, только боковым зрением, пока разбирался с печью, нужно было протопить дом, хоть и июнь, в тайге лето другое.

Замечал красное платье, растрепанные темные кудри, фату едва державшуюся на них. Следы слез, которые она уже не вытирала, потому что злость победила все остальное.

Она была здесь.

После пятнадцати лет, просто была здесь, в трех метрах, в доме моего деда, в тайге. Живая, злая, настоящая... бывшая.

Я занимался дровами с удвоенным вниманием и думал о том, что руки до сих пор помнят как она была теплой под локоть. И о том, что объяснений она ждет давно.

Заслуживает.

Но сначала затопить печь, принести из сарая продукты которые я привез утром, словно готов переждать осаду. Потому что она в красном платье с голыми ногами, а ночи в тайге холодные, и это единственное из всего происходящего, что я могу исправить прямо сейчас.

Но эта чертова красная повязка с белыми цветочками сбивал весь настрой.

Глава 3

Кристина

Проснулась от запаха дыма.

Он был печной, смолистый, с привкусом старого дерева. Несколько секунд лежала с закрытыми глазами и не понимала где я, потому что диван был незнакомым, потолок незнакомым, и вся эта деревянная тишина вокруг была абсолютно не моей.

Потом вспомнила.

Открыла глаза и уставилась в потолок с той интенсивностью, с которой смотрят в никуда, когда хочется чтобы реальность оказалась другой. Реальность не изменилась. Потолок был бревенчатым, серым, с паутиной в углу.

Диван подо мной продавленным. Красное платье в котором я заснула скомканным, перекрученным, с подозрительным пятном на боку, происхождение которого я восстанавливать не стала.

Голова болела, но не от шампанского, а от трех часов в багажнике и последующих нервов, это отдельный вид головной боли, тупой и несправедливый.

Села, потом встала. Постояла секунду, проверяя равновесие, все было нормально. Прошла к старому, деревянному шкафу у стены, с ручкой в виде кольца, открыла. Внутри пахло нафталином и временем.

Стопки чего-то советского: рубашки в клетку, штаны на резинке, толстые шерстяные носки. Все мужское, все дедовского фасона.

Я выбрала наименее катастрофическое: серая футболка с надписью «Турбаза Кедровая 1989» и спортивные штаны на завязках, они оказались предательски впору. Посмотрела на в мутное зеркало на дверце шкафа.

Родионова Кристина Олеговна, женщина с юридическим образованием, невеста, похищенная с собственного девичника, смотрела на меня из зеркала в штанах 1989 года с видом человека у которого есть вопросы к мирозданию.

Вопросы были. Много.

Начала методично осмотра помещения, потому что паника это непродуктивно, а информация это ресурс. Дом был небольшим: одна комната где я спала, кухня она же столовая, сени, маленький закуток с умывальником. Окна – три штуки, все с деревянными рамами и простыми шпингалетами. Дверь входная деревянная, крепкая, с нормальным замком. Я попробовала. Открылась.

Вышла на крыльцо.

Тайга.

Не метафорически, не поэтически – буквально тайга, в полный рост, со всех сторон. Сосны и ели, плотные, темные, без просвета. Небо над головой было серым, утренним. Пахло хвоей, влагой и полной изоляцией от цивилизации.

Я стояла на крыльце в штанах 1989 года и смотрела на это.

Грунтовая дорога уходила в лес и исчезала за поворотом. Машина стояла у сарая, подошла, дернула дверь, было закрыто. Вода слышался где-то левее, за деревьями. Никаких других строений, никаких других людей, и наверняка никакого сигнала сотовой связи.

Статья 126 УК РФ, часть вторая, думала я. Похищение человека с применением насилия. До двенадцати лет. Я это дело выиграю с закрытыми глазами, как только выберусь отсюда и доберусь до цивилизации.

Интересно, здесь есть медведи? Не стала додумывать, вернулась в дом. Воронин стоял на кухне, когда я выходила, его не было, спиной ко мне и помешивал что-то в кастрюле.

Широкие плечи, темная футболка, спокойная прямая спина человека у которого совесть работает в каком-то особенном режиме недоступном обычным людям. На плите шипело, пахло гречкой.

Остановилась в дверях кухни, смотрела на его спину секунд пять. Он не обернулся, но конечно слышал, что я вошла, это было очевидно. И вот тут что-то внутри меня, державшееся всю ночь на сжатых зубах и злом упрямстве, наконец лопнуло.

– Пятнадцать лет.

Он не ответил, помешивал кашу.

– Ты понимаешь что это такое – пятнадцать лет? Это не срок. Это не цифра. Это я в девятнадцать лет стою на перроне и смотрю как уходит поезд и думаю, что мол ничего, он вернется. Год, может два, но он вернется, он любит меня.

Спина не шелохнулась, только плечи чуть напряглись, едва заметно, на миллиметр.

– Я ждала три года, Воронин. Три года – это когда ждешь звонка каждый день. Когда вздрагиваешь от незнакомых номеров. Когда пишешь сообщение и удаляешь его, потому что не хочешь быть той которая первая пишет и надоедает.

Кастрюля тихо булькала, он помешивал.

– Потом я перестала ждать. Не сразу, не в один день, это не работает в один день, ты не знал этого? Это происходит постепенно. Сначала ждешь каждый день, потом через день, потом по пятницам, потом просто иногда. А потом в какое-то обычное утро понимаешь что не ждешь. И это не облегчение, это знаешь что такое? Это как часть тела отмерла. Не болит уже, но и нет ее!

Я говорила в спину, он не оборачивался. Это было правильным решением с его стороны, потому что если бы он обернулся и посмотрел на меня сейчас, я бы, наверное, не смогла договорить.

– Я живу хорошо, – голос стал тише и злее одновременно. – Я построила карьеру. У меня своя практика, клиенты, репутация. У меня есть Андрей, который отвечает на звонки и помнит что я не люблю кинзу и присылает сердечки когда я на девичнике. Он хороший человек.

Пауза.

– Я счастлива! Без тебя! Понимаешь? Мне не нужна была твоя явка с повинной через пятнадцать лет. Мне не нужен этот лес, эта каша и эти объяснения которых ты все равно не даешь. Я счастлива, и ты не имел никакого права врываться в эту жизнь и тащить меня в багажнике как – как...

Запнулась, потому что нужного слова не нашлось, а неточные слова в суде и в жизни одинаково плохо работают.

– Как вещь, – закончила.

Он убрал ложку на край кастрюли. Повернулся.

Я увидела его лицо первый раз нормально при дневном свете, первый раз не в темноте и не в полутьме лампочки. Первый раз за пятнадцать лет. Постарел. Конечно постарел – пятнадцать лет прошло.

Морщины у глаз, которых не было. Короткий шрам на подбородке, новый. Виски чуть светлее чем были. Но глаза те же: серые, прямые, с этим его невыносимым умением смотреть на человека так, будто видит что-то внутри и не комментирует из вежливости.

– Каша горит, – сказал.

Я открыла рот. Закрыла. Зашибись! У меня рушится жизнь, а у него горит каша. Глеб повернулся обратно к плите, снял кастрюлю, поставил на деревянную подставку. Запах гари стал чуть заметнее. Взял ложку, снова начал помешивать, спасал что можно.

Я смотрела на его руки. Вот тут я и заметила.

Шрамы. Не один, не два их несколько, разные по размеру и по возрасту. Один старый, белесый, поперек тыльной стороны ладони. Другой на запястье, более свежий, еще розоватый.

Еще один я увидела когда он переложил ложку в левую руку, на костяшках, как будто что-то острое прошло наискось.

Руки человека, который жил не в кабинете.

Потом он отошел от плиты взять тарелки с полки и я увидела что он чуть прихрамывает. Едва заметно, левой ногой, почти контролирует, но не совсем. Такую походку не подделывают и не демонстрируют, это просто то, что осталось. Постоянное, встроенное.

Не спросила.

Не потому что не хотела знать. Потому что если спрошу, это будет уже не допрос, не обвинительная речь, не пятнадцать лет справедливого гнева. Это будет что-то другое. А я пока не готова к чему-то другому.

Он поставил передо мной тарелку с кашей. Сел напротив со своей, взял ложку. Каша была подгоревшей снизу. Я это видела.

– Есть будешь? – спросил.

Я смотрела на него, на шрамы на руках, на тарелку. На его лицо, спокойное как всегда – невыносимо спокойное, как будто он не украл меня вчера ночью и не сидит сейчас напротив в избе посреди тайги с подгоревшей кашей.

– Я счастлива без тебя, – повторила я. На этот раз тише.

Он посмотрел на меня. Помолчал секунду.

– Знаю.

Взял ложку и начал есть кашу. Подгоревшую кашу, без выражения, методично, как человек, которому важно поесть, а не то как это выглядит.

Я смотрела на него еще секунду, потом взяла свою ложку. Каша была ужасной как моя жизнь. Я съела все.

Глава 4

Кристина, 19 лет

Кто сказал, что на вокзалах романтично? Нет, там не так, в тот год перрон пах мазутом и горячим металлом.

Июль, жара, двенадцать дня. Я стояла в своем лучшем платье, в белом, с мелкими цветами, которое купила специально и которое Глеб видел всего один раз и сказал только «красивое», но именно так, что я потом перебирала это слово еще несколько дней.

Волосы убрала, как он любил, открытая шея ему нравилась, он всегда первым делом касался ее, когда обнимал сзади. Я помнила такие вещи. Все такие вещи. До последней.

Он стоял с рюкзаком и говорил про год, срочная служба, там ничего трудного, год пройдет быстро. Потом вернусь, все будет хорошо. Он умел говорить коротко и весомо, каждое слово отдельно, без лишнего, и я привыкла доверять этой весомости. Глеб не говорил то, во что не верил.

Он верил, я видела. Это потом оказалось самым трудным, то что он искренне верил в год и в это верила я.

Объявили посадку, Глеб взял рюкзак, посмотрел на меня. Взял лицо в ладони обеими руками, я помнила температуру его рук, всегда чуть горячее чем нужно, поцеловал долго и серьезно, как целуют один раз в жизни. Потом сказал: жди. Я кивнула.

Ушел, вместе с другими новобранцами под шум, слезы, прощания. Я смотрела на перрон пока поезд не двинулся, пока вагоны не поплыли мимо, пока последний не исчез за поворотом.

Стояла еще несколько минут в пустом горячем воздухе, держа в руках маленькую бумажку, он сунул в ладонь перед посадкой, номер полевой почты, написанный его угловатым почерком.

Вокруг шли люди, кто-то встречал, кто-то провожал, обычная жизнь обычного перрона. Я не плакала. При людях не умею, это было моим правилом еще с детства, когда мама говорила что лицо это твое личное дело и незачем выставлять его на всеобщее обозрение. Я выучила это правило так хорошо, что соблюдала его даже когда уже не хотела.

Пошла пешком, автобус ходил через двадцать минут, но двадцать минут на остановке в компании собственных мыслей это было слишком много. Шла через весь город, час с лишним, в белом платье, в туфлях не предназначенных для длинных прогулок.

Дома заперлась в ванной, открыла кран на полную, чтобы шумело. Села на край ванны и наконец позволила себе то, что держала весь перрон и всю дорогу домой.

Плакала долго. Потом умылась, вышла, поела что-то, легла спать. Утром встала и написала письмо по адресу полевой почты. Первое письмо из многих.

Нам было по девятнадцать, и мы познакомились в восемнадцать, на Жанкином дне рождения, где он пришел с кем-то из ее брата компании, молчаливый, с краю, с таким видом что ему здесь неинтересно.

Мне тоже было неинтересно, я пришла потому что Жанка обидится если не прийти. Мы оказались рядом у окна, оба с одинаковым выражением лица людей отбывающих повинность.

Он заговорил первым, спросил про книгу которая торчала у меня из сумки, я таскала тогда книги везде. Оказалось, что он ее читал. Мы проговорили три часа не отходя от окна пока весь остальной праздник гремел без нас.

Потом полгода встречались почти каждый день. Кино, прогулки, его молчание которое не было тягостным, а было просто другим качеством присутствия. Он не заполнял пространство словами, как делают люди которые боятся тишины. Он просто был рядом, и этого было достаточно. Я привыкла к этому «достаточно» быстрее, чем следовало бы.

Первый секс был тоже с ним, мне восемнадцать, все по правилам, совершеннолетняя. Было все странно, не так как в кино. Неловко, смешно, немного больно, я сказала ему об этом честно, потому что всегда говорю честно.

Он слушал серьезно, кивал, поправлял, спрашивал, хорошо ли. Спрашивал несколько раз. Это я тоже запомнила, то что он спрашивал, а не предполагал. После лежали и смотрели в потолок его комнаты, и он держал мою руку просто так, не делая из этого ничего особенного, просто держал.

Я тогда подумала, что так и должно быть. Не знала еще, что так бывает редко.

Год я писала ему письма. Подробные, живые: про учебу, про Жанку, про книги которые читала, про первый снег и весенний экзамен и смешной случай в библиотеке. Писала как будто он рядом и просто не может ответить сразу. Ответы были редко, говорила себе, что это армия, а не санаторий.

А потом Глеб написал, что решил остаться на контракт, хорошее предложение, он решил, что ему это нужно, что всего на год, и год пролетит быстро. Я тогда опять поверила, я не могла не поверить.

На второй год писала реже. А потом Глеб остался на контракте дальше, и на третий год писала всего раз в месяц. Короткие, сдержанные письма. Скорее по инерции, чем по настоящей надежде.

В двадцать два года, в феврале, я написала последнее письмо, ответа от него уже не было больше шести месяцев. Письмо было коротким.

«Глеб, я не знаю где ты и что с тобой. Я надеюсь что живой. Если ты живой и просто не пишешь – мне не нужны объяснения. Мне нужно было только знать что ты живой. Напиши одно слово. Одно слово за три года – это не много».

Ответа не было. Я ждала еще три месяца. Потом перестала.

Не выбросила письма, сложила в коробку и убрала на верхнюю полку. Не потому что собиралась перечитывать, просто не смогла выбросить. Это была единственная слабость, которую я себе разрешила.

Боль была странной. Не острой, не той которая кричит. Она была тихой, хронической, вроде старой травмы которая ноет к непогоде. Привыкаешь не потому что прошло, а потому что научился с этим жить.

Самым трудным было не отсутствие его. Самым трудным было не знать. Живой? Погиб где-то в горах и никто не сообщил? Выбрал службу настолько полно, что прошлое отрезал как лишнее? Просто передумал и не нашел слов объяснить?

Незнание – это отдельный вид пытки. Тихий, методичный, без срока давности.

Мозг не умеет отпустить то, что не имеет финала. История без последней страницы остается открытой, где-то на фоне, всегда. Ты живешь свою жизнь, работаешь, смеешься, влюбляешься в других людей, и все равно где-то в фоне стоит этот открытый файл с вопросом на последней строчке.

Я научилась не заходить в этот файл. Почти научилась.

В двадцать восемь, в обычное октябрьское утро, стоя у зеркала в ванной с зубной щеткой в руке, я посмотрела на себя и сказала вслух, первый и последний раз вслух: все. **Хватит.** Его нет и не будет, и это приговор, и приговоры не обжалуют бесконечно. Ты взрослый человек, Кристина Родионова. Живи.

Я жила. Были и другие мужчины, не без них. Через два года познакомилась с Андреем. Через три согласилась выйти замуж. А за две недели до свадьбы Глеб Воронин положил меня в багажник собственной машины и увез в тайгу.

Я сидела на кухне первым утром в старом доме и смотрела на его руки со шрамами и думала о белом платье с цветами, о перроне, о воде в ванной и о том, что все это произошло с другой девочкой.

Той которая ждала.
Я больше не жду.
Я это повторила себе трижды, четко и по делу.
За окном шумела тайга.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.